

● Встречи

Под рубрику «Встречи» мы будем приглашать собеседников по просьбе читателей. Повод — новая книга, роль, картина, событие в жизни. Сегодня наш гость — лауреат Государственной премии СССР писатель Григорий БАКЛАНОВ. В издательстве «Советский писатель» только что вышла его книга «Меньший среди братьев», книга о нравственных ценностях, о вечной проблеме — как жить. Герой повести, открывающей книгу, — человек внешне благополучный, страдает от того, что в душе никак не возьмется за свое главное дело, что окружил себя людьми, духовно чуждыми. Беседует с гостем корреспондент «Известий» И. Преловская.

статки Ильи Константиновича, сочувствуешь ему, даже кака-то симпатия возникает? Мне такой вопрос тоже задавали. Так ведь симпатию вызывает, как я полагаю, то человеческое, что еще осталось в нем и боит, и заставляет исповедоваться. А сколько людей на его месте жили бы по принципу «стыд не дым...». Да и живут так.

Разбудить, разбередить, рас-

лом сыне: непротипальне обстоятельством. Каждый из нас, справедливо говорит ваш герой, «следствие чего-то и причина». В семье, пожалуй, эти следствия выражаются особенно горько, потому что выражаются в детях. Не сразу, но обязательно.

— Жизнь семьи — это долгая цепь событий, сложных и будничных обстоятельств, в которых мы проявляем себя так или иначе. Разве от детей можно скрыть, как мы живем? Произнесите самые разумные наставления, говорите о добре, но воспитывают не слова, а то, как и чем вы живете.

Когда у человека, допустим, экзема на руках, он произвольно прячет их в рукава. А Илья Константинович при всей его внешней импозантности постоянно прячет стыд в душе. Может ли взрослый сын не видеть этого? Знаете это выражение: «за грехи родителей»... Когда родителям приходится видеть в детях свои пороки, свои уродства, на мой взгляд, это — самое страшное наказание.

— Рядом с Ильей Константиновичем его жена, человек нравственно глухой. Эта нравственная глухота — и в том, что лежит на поверхности — в безудержной погоне за престижными вещами. Но она — и в более глубоких смещениях на шкале нравственных ценностей. Что вас особенно волнует в этом явлении?

— Тут разговор неизбежно пойдет о мещанстве. О нем у нас говорят много, но как-то походя, мол, это наследие мы еще пока не преодолели. А мещанство живуче. Все самые модные веяния тут же становятся его убеждениями. Но самые святые слова звучат ложью, когда их произносит мещанин. А ведь он их непременно произносит. И выступления самых популярных актеров, и новинки самой современной бытовой техники, а с некоторых пор и старина, все это — сфера его интересов, его устремлений, разговоров. Нынешний мещанин и языки знает, и за границу стремится, но он также же дремуче невежествен, как и сто лет назад. Он уже не скажет, как некий чеховский персонаж, что электричество это — жульни-

чество, но в каждом честном человеке, живущем по совести, он заподозрит жулика. Основа мещанства — эгоизм и невежество. Все — для себя любимого! И если б еще мещанин простирал свою деятельность не дальше быта! Но в том-то все и дело, что ему мир мал...

— В вашей книге один из героев говорит, что для счастья не нужно многого, нужно главное. Может быть, вы выскажете свою собственную точку зрения на это?

— Я высказываю ее во всех своих книгах. Вот, например, в повести «Навеки — девятнадцатилетние» в одной из глав рассказывается про женщину, которая в эвакуации, сама иссохшая от голода, тайком от дочери отдавала свой кусок хлеба эвакуированному. По меркам нынешней сытой жизни, возможно, это и не покажется каким-то особенным поступком, но тот, кто сам пережил голод, понимает, что значит отдать кусок хлеба. Между прочим, история мной не выдуманная. Женщины этой сейчас уже нет на свете, но она так жила, и счастьем для нее было не обрести для себя что-то, а отдать свое. Много я таких людей знал и знаю, и вот они, в конечном счете, счастливые люди.

В чем один из главных грехов Ильи Константиновича? В том, что он зарыл свой талант. А ведь талант — редкость. Это — народное достояние. Когда человек реализует свой талант — так это на благо людям. Еще в древности считалось великим грехом: зарыть свой талант. А он живым вернулся с войны, ему дарована вторая жизнь, и как он ее прожил? В суете. Главное дело своей жизни все откладывала на потом. А ведь не только «служенье муз», но вообще служение своему призванию не терпит суеты. Всей жизни едва-едва хватает, а чаще всего даже и не хватает на то, чтобы служить делу, к которому ты призван.

Счастье не в том, чтобы непременно первенствовать (в искусстве вообще первенствовать нельзя), и не в том, чтобы владеть многим. Чем больше

имеют, тем большего недостает, будь то материальные ценности или слава. Эгоистическая идея не приносит ни счастья, ни спокойствия душевного. Счастье в другом: сделать для людей все, на что способен, честно исполнить свой долг.

Чехов, единственный и неповторимый, — не будь его, мир стал бы намного бедней, — шел лечить от холеры. А ведь он не заговоренный, холера также и на него могла перекинуться, но он — врач, и не было для него вопроса, лечить или не лечить.

Вот словно бы специально к нашему разговору «Литературная газета» напечатала очерк о Шаварше Карапетяне. Он оказался случайным свидетелем катастрофы: с моста в воду упал троллейбус. Мировой рекордсмен по скоростному подводному плаванию, Карапетян был, наверное, единственным человеком, который мог что-то сделать в тот сентябрьский день. Раз за разом в течение 20 минут он нырял на большую глубину и вытаскивал людей. Порезавшись о стекла, теряя силы, он все-таки действовал. Тут, конечно, истинное проявление героизма. И я думаю, это счастливый человек. Не потому, что о нем сегодня знает вся Армения и еще многие узнают в нашей стране. Счастливый потому, что живет на свете двадцать человек, которых он спас.

— Григорий Яковлевич, видимо, не случайно сегодня повесть «Меньший среди братьев» вы объединили в одной книге с портретами дорогих вам людей и с «Невыдуманными рассказами», в которых вы возвращаетесь к войне и вспоминаете тех, кому повести «Навеки — девятнадцатилетние»? Что тянет вас вновь и вновь и юности? Что в чертах своего поколения важно подчеркнуть вам теперь? Ведь к прошлому мы возвращаемся ради настоящего.

— Вспоминать юность, идеализировать ее людям свойственно, особенно в годы немолодые. Иногда возникает и смелое предостережение: все, что было в юности, кажется

лучше, чем в поздние годы. А это не всегда так.

Что касается моего поколения, то у него судьба особая: почти все оно полегло на войне. Дать ему — наша память. А память и памятники нужны не столько тем, кого нет, им, собственно, уже ничего не нужно. Но это нужно нам, чтобы сохранить нравственное здоровье, чтобы перенять лучшие черты погибших. Кто забывает прошлое, тот лишает себя будущего. А это поколение показало себя достойным и памяти, и славы. Повесть «Навеки — девятнадцатилетние» посвящена Диме Мансурову, Володе Худякову и другим. Диму я вспоминаю вновь и в рассказе «Надя». Он был моим одноклассником, мы дружили. На войне он стал танкистом. Сгорел в танке. Чудный, замечательный парень! И, может быть, не осталось людей, кто его знал и помнит. Я о нем говорил по радио, упоминал в газетах с огромным тиражом, но никто не откликнулся. Мне хочется сохранить всех ушедших друзей в памяти живых. Именно поэтому в книгу включен и очерк о Сергее Орлове. Это был поэт нашего поколения, достойный человек, жизнь свою проживший без суеты. Его строки «А мы прошли по этой жизни просто в подкованных пудовых сапогах» я поставил эпиграфом к своей книге.

Наше сегодняшнее время — мирное, но очень грозное. И людей, и поступки надо измерять высокой нравственной мерой. Той же мерой, что и в годы, когда от каждого из нас зависела судьба Родины. Конечно, на фронте встречались люди исключительной силы духа, явившие примеры небывалого героизма. Но подвигом был и каждый день солдата на войне. Победу, в конечном счете, принесла стойкость и героизм всего народа. И когда пишешь о самых обычных людях и раскрываешь их героические черты, то утверждаешь тем самым, что качества эти есть в каждом. Вы такие же, вы можете быть такими же, вы должны быть такими.

БЕЗ СУЕТЫ

— Григорий Яковлевич, на редакционный стол нет да летит писем с криком души, с сомнениями и колебаниями при разных жизненных обстоятельствах. И, бывает, думаешь: тут не совет бы нужен, а хорошая книга, герой которой охвачен теми же душевными муками. Совет — вывод, рецепт. А человеку надо еще в самом себе разобраться. Когда знаменитых мудрецов древности спросили, что на свете трудно и что легко, Фалес Милетский на первый вопрос ответил: «Познать себя», а на второй: «Советовать другому».

— Так и должно быть. Многие люди, совершенно различные по характерам, по общественному положению, говорили мне, что это как бы про них написано, что видят в Илье Константиновиче и себя. В нем и я есть, хотя ни одного факта из моей жизни, ни одного моего поступка ему не дано. Ведь преодолевать соблазны приходится каждому. Подчас думаешь: уклонись, промолчи, хотя падо бы возразить. Разве не соблазн? Или привычное соображение: сделай то-то, и мне воздастся тем-то. А ведь знаешь, что это нехорошо. Есть, скажем, такой довод: я человек маленький, уступлю, а вот когда займу солидное положение, когда от меня бу-

дет многое зависеть, тогда-то уж буду поступать, как надо. Очень изощренный и ложный ход мысли. Если уж не остановился где-то вначале, и дальше будешь уступать, и все твои честные намерения постепенно забудутся.

— Что же легче и что тяжелее — жить в полном согласии со своей совестью, со своими принципами или обходить конфликтные ситуации, уступать напору тех, с кем связываться хлопотно? Ответ кажется простым... Но каков конечный результат?

— Да вот в том-то и дело, что в трудных обстоятельствах людям начинает казаться: легче уступить. Но только этот первый шаг прост, за ним — трудней. Я думаю, что в конечном счете Илья Константиновичу было бы легче однажды обрести мужество и начать жить в ладу со своей совестью. Но, к сожалению, не всегда то, что человек сознает, он способен сделать. Я не считаю жизнь такого человека сладкой. Это очень тяжелая раздвоенная жизнь. Илья Константинович говорит: я устал пригибаться душою. Ну так разогнись, наконец. А он этого не делает. Помните, Леля, любящая его, говорит: ты хороший, мягкий человек, почему ж тебя не хватает на добрые дела? Человека в наши дни, как и всегда, ценят и ценят по поступкам. Когда между намерением и поступком — пропасть, тут-то и об-

наруживается нравственная неполноценность.

— А приходилось ли вам объяснять читателям, почему вас так заинтересовал человек слабый, запутавшийся?

— По многим причинам. Героический пример зовет за собой, воспитывает. Но я думаю, что и стыд надо пробуждать в людях. Человек, который ничего не стыдится, — это страшный человек. Такой человек способен на все. Он вне нравственности, его ничто не остановит. Если в людях нет стыда, невозможно воспитать в них и честь, и достоинство, и гордость. Почему-то редко приводят замечательные слова старого князя Волконского из «Войны и мира», когда он провожает сына на войну. Я их напомяну вам: «Ну, теперь прощай! — Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. — Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: — А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Волконского, мне будет... стыдно! — взвизгнул он».

Именно стыд, боязнь стыда не раз и на фронте, и в мирной жизни толкали молодых честных людей на героические поступки. Потому что для честного человека позор страшнее смерти. Почему же, видя все недо-

крыть это человеческое и в персонаже, и в читателе — вот в чем задача. В искусстве нет и не может быть принципа: «горбатого могила исправит». Я хотел, чтоб видели, что заложено в этом человеке, каким он должен был и мог бы стать, что задал в себе. Не рассказав об этом, не вызвав к погубленному в нем человеку сочувствия, нельзя пробудить и в читателе активного неприятия порока. Не вспомню сейчас, кто это сказал, но сами слова хороши: «Когда на глади полотна художник ночь изображает, хоть луч он все же оставляет, чтоб эта ночь была видна».

На Нурекской ГЭС во время обсуждения этой повести одна читательница, очень милая женщина, если не ошибаюсь, врач, встала и сказала: «Когда я дочитала до того места, как отец испугался, не стал спасать сына, я бросила читать, не смогла больше! И только позже прочла повесть до конца». Ах, хорошо, думаю. Ведь этого и хотелось, чтобы задело, чтоб возлюбовало. Илья Константинович и казнится всю жизнь: «Когда я умру и он будет хоронить меня, даже тогда это будет стоять между ним и мною».

— Ваш герой одиноч рядом с самыми близкими людьми, в собственной семье. Видимость отношений у них заменяет истинное взаимопонимание. И человек с тоской ищет в себе самом причину того, что больно ему видеть во взрос-